ISSN: 2219-8229
E-ISSN: 2224-0136
Founder: Academic Publishing House *Researcher*
DOI: 10.13187/issn.2219-8229
Has been issued since 2010.

European Researcher. International Multidisciplinary Journal

UDC 81'23:811.111

Mythological Space and Time

[1] Marina V. Vagner
[2] Mayken A. Rahmetullina

[1] Karaganda State University named on E.A. Buketov, Kazakhstan
Mukanov street 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast, 100026
English teacher, Master's Degree Student
E-mail: marina_vagner@mail.ru
[2] Karaganda State University named on E.A. Buketov, Kazakhstan
Mukanov St., 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast, 100026
French teacher
E-mail: mayken@mail.ru

Abstract. The article examines mythological space and time. The article considers the modern teachings about space, identifies categories of space and time and describes the methods of expressing spatial relationships. The goal of determining the categories of space and time is to study the important milestone of the spoken, intellectual and cognitive activities of the person and the construction of his linguistic world map.

Keywords: mythological space; time; myth; locum; language; concept; gestalt; frame.

Введение. Диалектика мифологического мышления и языка мифомышления как тип отражения действительности, в котором мир представляет собой единство реального и фантастического, материального и духовного, объективного и субъективного, конкретно чувственного и абстрактного, является еще недостаточно изученным. Символические формы выражались преимущественно синкретическими структурами.

Слово «миф» вмещало такие значения, как «духовная деятельность» и, что особенно важно для постижения сущности и функции мифологического мышления, «слово в действии». Для постижения мифологического мышления и форм его выражения особый интерес представляют исследования В.Ф. Гегеля, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Мюллера, Л. Леви-Брюля, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, К. Леви-Стросса, Э. Кассирера, А.Ф. Лосева.

Особое место в изучении мифотворчества занимает теория мифического мышления А.Ф. Лосева [1]. В теории А.Ф. Лосева изучается диалектика мифологического духа. Анализируя допредметную структуру имени, ученый утверждает, что феноменально-диалектическое раскрытие сущности структуры слова в мифе – одна из существенных сторон человека, его экзистенции [2] функционирования мифологического мышления и языка следует считать активность энергемы. Особенности ситуации и взаимодействия энергемы как «определяющий фактор жизнедеятельности» слова реализуется в разных символических формах языка. Какое же понимание пространства отражается в его обыденных вербальных описаниях? Известно, что, с тех пор как человечество начало размышлять об основаниях своего бытия, было выработано несколько концепций пространства.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили наименования пространства в памятниках древнеанглийской поэзии (в крупнейшем памятнике – эпической поэме «Беовульф», в поэме Genesis. И в так называемых «малых памятниках» – элегических поэмах «Видение Креста», «Морестранник» и «Скиталец»).

Цель исследования достигается с помощью лингвокультурологического анализа паремий, который позволяет на основе аккумулированной информации культурно-исторического характера выявить сложившиеся ценностно-значимые представления этноса о человеке в совокупности определенных свойств, качеств, деятельности, его отношения к миру, его понимания важнейших категорий картины мира.

Обсуждение. Первоначальное, архаическое понимание пространства, составляющее часть мифологической картины мира, наделяет его следующими свойствами:

1) неотделимость от времени;

2) неразрывная связь с вещами, которые конструируют пространство (первотворец, боги, люди, животные, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры;

3) отделимость пространства от того, что им не является;

4) составимость пространства [3, 240-242] – «язык стремится в чувственной, видимой, физической форме запечатлеть невидимый физический мир» [4, 379]. Психологи отмечают, что одним из способов объективации и фиксации в слове многих характеристик образа может служить их перевод в пространственную характеристику. Пространственные отношения могут рассматриваться как базовая система признаков, способная в вербальной форме отразить структуру многомерного психического образа [2, 105].

Илья Пригожий и Изабелла Стенгерс в предисловии к русскому изданию своей книги «Порядок из хаоса» пишут, что в истории западной мысли центральное место занимает конфликт, связанный с понятием времени. Это противоречие между инновационным временем раскрепощения человека и периодически повторяющимся временем стабильного материального мира. «Как ни странно, но именно это противоречие послужило причиной острой дискуссии между Лейбницем и представителем взглядов Ньютона английским философом Кларком. Переписка между Лейбницем и Кларком позволяет представить взгляды Ньютона в новом свете: «природа для Ньютона была не просто автоматом, а несла в себе активное производительное начало» [5, 5].

Процесс деградации и равномерного рассеивания энергии получил название энтропии. Энтропия – это уменьшение разнообразия в мире, а негэнтропия – его увеличение. Энтропия есть падение в хаос, в устойчивый беспорядок, в однообразное равновесие, а негэнтропия – становление космоса, неустойчивого равновесия порядка в разнообразии.

Второе начало термодинамики гласит: в изолированных (замкнутых) системах – а Вселенная, с точки зрения основателей термодинамики Р. Клаузиуса и И. Больцмана, является замкнутой – энтропия с неизбежностью возрастает. И если запас энергии во Вселенной с неумолимостью иссякает и она постоянно сбавляет обороты, тогда время перестает быть однородным и обратимым и приобретает четко выраженную направленность.

Второе начало термодинамики внесло серьезный диссонанс в механистическую картину мира, сменив ньютоновское обратимое время на необратимое и введя понятие стрелы времени. Аналогичного масштаба диссонанс внесла в нее и теория эволюции, существенно смягчившая жестокий, лапласовский детерминизм и уравнявшая в правах необходимость и случайность.

Современные учения, изучающие пространства, возвращаются к идеям В.Н. Топорова [3]. В работе «Пространство и текст» он утверждает, что существует два понимания пространства по Ньютону и по Лейбницу. Эти различия сводятся в конечном счете к тому, что одно отвлечено от человека, другое одушевлено его присутствием, определяется порядком сосуществования вещей [6, 228]. Пространство, по Лейбницу, прочитывается, трактуется человеком. А ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии. Нам кажется более убедительной такая трактовка пространства, которой придерживается большинство когнитологов: человек не может отвлечься от чувственных элементов его восприятия, но пользуется при этом геометрической концептуализацией пространства. Исследования Л. Телми, А. Херсковича, Б. Ландау выполнены в таком аспекте. Особенно известны те работы Топорова, которые посвящены творчеству С. Кржижановского. Писатель

был объектом и субъектом иррационального «минус пространства». Он творил его по своим матрицам, где «природное», психоментальное неотделимо от культурного. В этом смысле есть все основания говорить об изоморфизме творца и творения, поскольку и в каждом из них порознь творящее и творимое начала неразрывно связаны друг с другом – ситуация, характеризующая явления той особой вовлеченности зависимости, остроты и напряженности, которые придают этой ситуации черты подлинного драматизма, парадоксальности и чреваты неожиданными решениями. Миф об этом «минус пространстве» был создан Кржижановским, но само пространство не создало мифа о писателе. Здесь миф понимается как «смыслостроительная» конструкция. В архаической триаде символ – слово – дело как бы снимается противопоставление её членов и она приобретает статус некой общезначимой парадигмы.

Те признаки пространства – времени, которые остаются постоянными при изменениях, познаются как категории. В процессе воздействия времени на пространства возникают все более сложные конфигурации.

Выделение категории пространства и времени является важной вехой речемыслительной и познавательной деятельности человека, построения его языковой картины мира [7, 312]. С накоплением все больших знаний об окружающем и внутреннем мире человека представления о времени и пространстве усложняются и приобретают новую трактовку. Мыслительная категория пространства преобразуется языка в семантическую категорию.

Категория пространства имеет философский, физический и лингвистический аспекты. Лингвистический аспект может быть представлен как совокупность способов языкового выражения сущности философского и физического аспектов. Мир представляется человеку в реальностях пространства и времени и определяется не только в философских и логических формах, но также и в языке. Язык является «культурной формой идеального бытия человека, универсальным способом жизнедеятельности, с помощью которого человек реализует себя во всей совокупности отношений к природе, социуму и самому себе». [8, 4]

Пространственные отношения в самом общем виде есть соположение в пространстве каких-либо предметов, действий, событий, определенных пространственных ориентиров – локумов. Локум – это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета, действия, признака [9, 6].

Для описания средств выражения пространственных отношений в каком либо языке нужно выделить типы концептуализации, признавая общий универсальный характер категории пространства и времени. Ведь языковые средства должны соответствовать смыслу, передаваемому ими, а не определенному научно-математическому представлению о категориях пространства и времени. Таким образом, вид концептуализации и выбранные для этого средства являются «функционально обусловленными абстракциями совокупности жизненного опыта какого-либо отдельно взятого культурного сообщества» [10, 154].

И.М. Кобозева, говоря о вербальном описании пространства вне философского и научного контекстов, подчеркивает его стандартно-бытовое понимание. Французский лингвист Гюстав Гийом, создавший «менталистскую» теорию речевой деятельности полагал, что «человек видит мир глазами своего тела» [11, 7]. Но он видит его так, как его должен видеть человек, только в том случае, если он видит его в своем сознании. На языковом уровне мир опосредован языковым сознанием, в котором к ограничениям, налагаемым восприятием, добавляются ограничения, обусловленные закономерностями языка. По мнению Е.С. Кубряковой, причастность языка к актам восприятия является серьезной проблемой, выходящей за рамки психологии. Е.В. Рахилина предполагает, что языковые значения можно связывать с фактами действительности «не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке» [12, 11].

Сопоставление данных различных языков указывает на то, что характерной основной чертой языка является локализм – важнейшая составляющая человеческой речи. А.В. Кравченко считает локализм средством выражения (в период первоначального этапа существования человеческой речи в терминах места и пространства) любых отношений, которые в дальнейшем могут развиться в более тонкие различия грамматических категорий (падеж, время, наклонение) [13, 73].

Умение человека ориентироваться в окружающем его пространстве эксплицировано в языке и выражает когнитивную способность человека соотносить реалии мира с

антропоцентрично установленными категоризаторами пространства – справа, слева, внизу, вверху, спереди, сзади.

Например:

ongean cuman godes condelle,
gloum gimme, georne bewitigan,
hwonne up cyme oemelast tungla
ofer ypmere eastan lixan
идти встречать Господа свечу
яркий самоцвет, жаждя наблюдать,
как вверх поднимается прекраснейшая звезда
над океаном, (чтобы) с востока сиять

[Phoenix: 91-94].

Видению ситуации в разных ракурсах способствуют личностные установки человека, так как в фокусе его внимания оказываются разные компоненты ситуации. Чувственно-наглядное восприятие и представление предмета являются отражением совокупного чувственного опыта человека. Однако существует логическая абстракция, связанная с выделением топологических признаков предметов. Понятия «верх-низ», «перед-зад», «право-лево» важны для чувственной системы отсчёта. Когда же предметы делятся на одномерные, двухмерные, трёхмерные, речь идёт о геометризации пространства, который предполагает «логическую классификацию предметов на обобщённом уровне различий по измерениям» [13, 46].

Итак, на колонны человек «смотрит» снизу вверх (высокие), но на ноги – сверху вниз (длинные). Из миски человек вычерпывает содержимое, значит опускает туда ложку и тем самым измеряет её глубину, а для стакана релевантна внешняя поверхность, за которую его держат, и размер которым «отсчитывают» от поверхности опоры; книжки «измеряют» глубину полки, когда их ставят и вынимают, а говоря о кровати, человек, конечно мыслит себя спящим в ней, значит помещает себя в центр объекта (широкая) и т.д. Е.В. Рахилина в этой связи справедливо отмечает, что «фактически носитель языка вообще не может описать размер, форму или даже ориентацию в пространстве объекта, если не знает, как его можно использовать» [14, 9].

Следовательно, развитие представлений о пространстве и времени является результатом контактов с окружающим миром, что свидетельствует о его антропоцентрическом характере. Принципы и единицы мышления для всех народов едины, т.е. когнитивное структурирование универсально, отличаются от языка к языку лишь инструментальные структуры. В лингвистике достаточно твёрдо закрепился термин «концепт» для обозначения мыслительного образа, называемого той или иной лексической единицей. По мнению И.А. Стернина, можно говорить о трёх разновидностях мыслительных образов, обнаруживающихся в лексических единицах разных типов. Концепты – представления, которые выступают в качестве смысловой стороны лексических единиц. Гештальты образуют семантическое содержание так называемой абстрактной лексики. Фреймы и сценарии представляют собой разновидности гештальтов [15, 63].

Выводы. Итак, на колонны человек «смотрит» снизу вверх (высокие), но на ноги – сверху вниз (длинные). Из миски человек вычерпывает содержимое, значит опускает туда ложку и тем самым измеряет её глубину, а для стакана релевантна внешняя поверхность, за которую его держат, и размер которым «отсчитывают» от поверхности опоры; книжки «измеряют» глубину полки, когда их ставят и вынимают, а говоря о кровати, человек, конечно мыслит себя спящим в ней, значит помещает себя в центр объекта (широкая) и т.д. Е.В. Рахилина в этой связи справедливо отмечает, что «фактически носитель языка вообще не может описать размер, форму или даже ориентацию в пространстве объекта, если не знает, как его можно использовать» [16, 9].

Следовательно, развитие представлений о пространстве и времени является результатом контактов с окружающим миром, что свидетельствует о его антропоцентрическом характере. Принципы и единицы мышления для всех народов едины, т.е. когнитивное структурирование универсально, отличаются от языка к языку лишь инструментальные структуры. В лингвистике достаточно твёрдо закрепился термин «концепт» для обозначения мыслительного образа, называемого той или иной лексической единицей. По мнению И.А. Стернина, можно говорить о трёх разновидностях мыслительных образов, обнаруживающихся в лексических единицах разных типов. Концепты –

представления, которые выступают в качестве смысловой стороны лексических единиц. Гештальты образуют семантическое содержание так называемой абстрактной лексики. Фреймы и сценарии представляют собой разновидности гештальтов [15, 63].

Представления, гештальты и понятия тесно переплетаются как в мыслительной, так и в коммуникативной практике. Одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях реализовать либо гештальт, либо понятие, либо представление, т. к. все эти концепты представляют собой разные уровни мыслительной абстракции. В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, лексически невыраженных концептов. Все они отражают денотаты, присутствующие в национальной действительности. Наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием называющих его языковых единиц, так как концепты (понятия) возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят от действительности, а не от языка.

Примечания:

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
2. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
3. Топоров В.Н. Пространство и текст Н Из работ московского семиотического круга. Составление и вступит, статья Т.М.Николаевой. М., 1997.
4. Гумбольт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Проскурин С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1990.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
7. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985. 312 с.
8. Долинин К.А. Интерпретация текста. М, 1985.
9. Карташкова Ф.И. Косвенная номинация в английском языке: деятельностно-процессный подход: Дис. доктора филол. наук. Иваново, 2001.
10. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
11. Садовская И.Г. Мифология. СПб., 2000.
12. Проскурин С.Г. Мифопоэтический мотив «мирового древа» в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре (концептуальный анализ) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
13. Кронгауз М. А. Семантика. М.: Academia, 2005. 351 с.
14. Степанов Ю.С. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.
15. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семасиологических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979.
16. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. Под ред. В.Н.Телии. М., 1999.

References:

1. Losev A. F. Dialectika mifa // Losev A. F. Is rannih proizvedeniy. M., 1990
2. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. M., 1993.
3. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst. Is rabot moskovskogo semioticheskogo kruga. Sostavlenie i vstupitel'naya stat'ya T. M. Nikolaevoy. M., 1997.
4. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. M., 1984.
5. Proskurin C. G. Drevneangliyskaya prostranstvennaya leksika konceptualizirovannyh oblastey. M., 1990.
6. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. M., 1995.
7. Stepanov Y. S. V trehmernom prostranstve yazyka. M., 1985. 312p.
8. Dolinin K. A. Interpritaciya teksta. M, 1985.
9. Kartashkova F. I. Kosvennaya nominaciya v angliyskom yazyke: deyatel'nostno-processniy podhod. Ivanovo, 2001.
10. Komlev N. G. Komponenty soderzhatel'noy struktury slova. M., 1969.
11. Sadovskaya I. G. Mifologiya. SPb., 2000.

12. Proskurin S. G. Mifologicheskiy motiv “mirovogo dreva” v drevneangliyskom yazyke i anglosaksonskoy kul’ture (konceptual’niy analiz) // Logicheskiy analiz yazyka. Kul’turnye koncepty. M., 1991.
13. Krongauz M. A. Semantika. M.: Academia, 2005. 351 p.
14. Stepanov Y. S. Yazyk: sistema i eyo funkcionirovanie. M., 1988.
15. Borodina M. A., Gak V. G. K tipologii i metodike istoriko-semasiologicheskih issledovaniy (na material leksiki francuzskogo yazyka). L., 1979.
16. Tarasov E. F. Yazyk kak sredstvo translyacii kul’tury // Frazeologiya v kontekste kul’tury. M., 1999.

УДК 81’23:811.111

Мифологическое пространство и время

[1] Марина Владимировна Вагнер
[2] Майкен Былаевна Рахметуллина

[1] Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, Казакхстан
100026, Карагандинская область, г. Караганда, ул. Муканова 1а
Преподаватель английского языка, магистрант
E-mail: marina_vagner@mail.ru
[2] Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, Казахстан
100026, Карагандинская область, г. Караганда, ул. Муканова 1а
Старший преподаватель французского языка
E-mail: mayken@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется мифологическое пространство и время. В статье рассматриваются современные учения, изучающие пространства, выделяется категория пространства и времени, описываются средства выражения пространственных отношений. Целью исследования является выделение категории пространства и времени является важной вехой речемыслительной и познавательной деятельности человека, построения его языковой картины мира.

Ключевые слова: мифологическое пространство; время; миф; локум; язык; концепт; гештальт; фрейм.